

А. В. Скоробогатов*,
Н. Н. Рыбушкин**

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ В СОВЕТСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли запрещающих норм уголовного права в правовом регулировании в первые годы после установления в России советской власти. На основе анализа нормативных правовых актов, регулирующих уголовные правоотношения, и правовой доктрины этого периода авторы доказывают, что, несмотря на революционный характер советского уголовного права, большое место в нем занимает элемент преемственности. Это выражается как в формально-догматическом методе конструирования запретительных норм, так и в правоприменительной практике, где было разрешено использовать законы свергнутых правительств в случае их соответствия революционному правосознанию. В статье подчеркивается, что сочетание правовых традиций и инноваций — традиционное для России явление. Большевики не смогли сконструировать совершенно новое право. В своей основе советское уголовное право опирается на традиционный для российской цивилизации запретительный тип правового регулирования. Запретительный характер советского уголовного права периода «военного коммунизма» одновременно соответствовал архетипу патриархально-патерналистского государства, сформированному еще в Киевской Руси, и большевистской идее о необходимости разрушить «буржуазное» право и сформировать социалистическое, применение которого в переходный к коммунизму период будет обеспечиваться принудительной силой государства.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовой запрет, юридический дискурс, советское право, разрешительный тип правового регулирования, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.166-172

Россия как пограничная цивилизация характеризуется сочетанием традиционных (в целом восточных) черт ментальности и инновационного нормативного (западного по характеру) средства их выражения. Это определяет приоритетное значение государства в правовом

регулировании. Стремясь создать и обеспечить поддержание правопорядка, необходимого для поступательного развития, государство конструирует юридические нормы, реализация которых должна гарантировать наличие у индивида «правообязанностей» и стимулировать его

© Скоробогатов А. В., Рыбушкин Н. Н., 2018

* Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (ИЭУП)
av.skorobogatov@mail.ru

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42

** Рыбушкин Николай Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный юрист РФ, депутат Государственного Совета Республики Татарстан
i_naughty@mail.ru

420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

к исполнению публичного долга. На первом месте среди таковых юридических норм стоят запрещающие, устанавливающие границы дозволенного поведения человека и определяющие его ответственность в случае нарушения этих пределов.

Эта тенденция полностью соответствует патриархально-патерналистской концепции мироустройства, характерной для российской правовой ментальности. Человек готов полностью подчинить свои действия и интересы государству (выступающему как непререкаемый авторитет), которое обеспечит его материальное и социальное существование на минимально достойном уровне в долгосрочной перспективе.

Цивилизационный характер запретительного правового регулирования способствовал тому, что, несмотря на политические изменения, происходящие в нашей стране и влияющие на содержание юридических норм, методологические основы правовой реальности сохраняются. Это можно проследить на примере анализа эволюции советского уголовного права: от его истоков, формально означавших создание нового социалистического права, до завершения при распаде СССР и провозглашения ориентации на модернизацию правовой системы в соответствии с мировыми цивилизационными стандартами.

Запрещающие нормы мы рассматриваем как систему установленных (санкционированных) и обеспеченных государством общеобязательных правил и связанных с ними общих велений, призванных в своем единстве вытеснить вредные общественные отношения (существующие и предполагаемые) сообразно с материально обусловленной волей и социальными целями советского народа. «Запрещающие правовые нормы указывают на полную недопустимость и наказуемость того или иного поведения в рамках регулируемого общественного отношения»¹. В силу специфичной природы уголовного права именно для этой отрасли наиболее характерно наличие запретительных юридических норм. Поэтому совершенно не

случайно задачей советского уголовного права было объявлено «посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» (ст. 3 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.²).

Великая революция 1917 г. и приход к власти большевиков ознаменовались сменой идеологической парадигмы. Однако применительно к праву это проявилось в значительно меньшей степени. С одной стороны, первые советские декреты означали формирование нового, советского права, с другой — в издаваемых нормативных правовых актах использовалась старая терминология, а в судебной практике разрешалось применять законы свергнутых правительств, если они не противоречат революционному правосознанию (п. 5 Декрета о суде № 1³). Фактически это должно было означать формирование новой правовой системы на прежних формально-догматических началах. Как отмечают современные исследователи, советское законодательство этого периода характеризуется сочетанием преемственности и революционности⁴. При этом последнюю можно рассматривать как своеобразную интерпретацию правовых заимствований в форме аккумуляции, когда за основу берутся не господствующая правовая доктрина, а отдельные теории, соответствующие интересам правящей элиты. Аналогичная ситуация была в России, например, при Екатерине II или Александре II.

В руководстве советских органов власти, и прежде всего Народного комиссариата юстиции, сосредоточились люди, хотя и имевшие юридическое образование, но активно выступавшие против «буржуазного права» не только из-за его классовой сущности, но и с методологических позиций. Своей важнейшей задачей они считали решение проблемы соотношения социалистической революции и права. Дискуссия, развернувшаяся по этой проблеме в первые послереволюционные годы, хотя и отража-

¹ Рыбушкин Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1990. С. 21.

² Постановление Народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

³ Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. // Газета Временного рабочего и крестьянского Правительства. 1917. 24 нояб. № 17.

⁴ См., например: Борисова Т. Ю. Революционное законодательство в 1917—1918 гг.: выбор языка // Новое литературное обозрение. 2011. № 2 (108). С. 100—115; Рыбаков В. А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. 2010. № 9. С. 13—17.

ла политические и идеологические установки, не носила лишь абстрактный характер. Ликвидация государственного механизма Временного правительства и трансформация механизма правового регулирования привели к тому, что значительная часть норм как публичного, так и частного права были не отменены, а отмерли объективно в связи с прекращением существования соответствующих правоотношений. Начиная с первых советских декретов, каждый новый закон, ликвидируя прежние политические и социальные институты, одновременно приводил к отрицанию и уничтожению институтов и отраслей прежнего «буржуазного» права. П. И. Стучка, стоявший у истоков советского права, в том числе и уголовного, по этому поводу писал: «Для меня с первого дня революции не было сомнений в том, что только на развалинах этого храма буржуазной справедливости нам удастся возвести здание социалистической справедливости, более скромное по своему внешнему виду, но бесконечно более прочное по своему содержанию»⁵.

На фоне растущего правового нигилизма остро встал вопрос о необходимости создания нового правопорядка, основанного на иных принципах и правилах. Одной из первых попыток сформировать новое право стало издание Декрета о суде № 1, в котором впервые в качестве источника права было провозглашено революционное правосознание. Ликвидацию буржуазной системы права авторы Декрета рассматривали как двуединый процесс слома старого «буржуазного» права и создания нового революционного. Революционные суды должны были руководствоваться «в своих ре-

шениях и приговорах не писаными законами свергнутых правительств, а декретами Совета Народных Комиссаров, революционной совестью и революционным правосознанием»⁶. Использование же дореволюционного законодательства было возможно лишь в случае его непротиворечия революционному правосознанию.

Эти идеи применительно к уголовному праву были развиты в постановлении Наркомата юстиции «О революционном трибунале печати»⁷ и Инструкции революционным трибуналам⁸. Последняя, в частности, определяла, что «меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и революционной совестью».

Эти идеи были обстоятельно рассмотрены одним из ведущих марксистских теоретиков А. В. Луначарским в статье «Революция и суд»⁹. Обосновывая необходимость установления нового пролетарского права, которое должно заменить прежнее буржуазное, он указывал на классовый характер права и формирование его на основе классового правосознания. Однако формирование нового права, основанного на новом правосознании, возможно только после того, как угнетенный класс захватит власть и получит материальную возможность трансформировать свое правосознание в правовые формы.

Возможность использования дореволюционного законодательства в судебной деятельности была воспроизведена в Декрете о суде № 2¹⁰ и Положении о народном суде РСФСР¹¹. Однако, стремясь избежать неправильного толкования судами этих норм, законодатель запретил ссылки на них в судебных решениях

⁵ Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / сост. Г. Я. Клява. Рига : Латв. гос. изд-во, 1964. С. 229.

⁶ Первоначальный проект первого декрета о суде // Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 2. М., 1918. С. 104. См. также: Остроумов Г. С. Проблемы социалистического правосознания в работах П. И. Стучки // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 121—126.

⁷ Постановление о революционном трибунале печати // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917—1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. Ст. 156.

⁸ Инструкция Революционному Трибуналу. О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917—1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. Ст. 170.

⁹ Луначарский А. Революция и суд // Правда. 1917. 1 дек. (18 нояб.).

¹⁰ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

¹¹ Декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета советов «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917—1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. Ст. 889.

(примечание к ст. 22 Положения о народном суде). Главным при этом было не использование законов свергнутых правительств, а непротиворечивость их норм революционному правосознанию. Именно последнее в период военного коммунизма становится основным источником права, главным критерием принятия любого правового решения¹².

Дальнейшим развитием этих идей стало принятие Руководящих начал по уголовному праву в 1919 г., которые в значительно большей степени, чем Конституция РСФСР¹³ и изданные в 1918 г. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве¹⁴ и Кодекс законов о труде¹⁵, носили идеологический характер и были ориентированы на смену правовой парадигмы.

12 декабря 1919 г. Народный комиссариат юстиции РСФСР, обобщив двухлетнюю практику судов и революционных трибуналов и основываясь на большевистском варианте психологической теории права, издал Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. В отличие от первых советских кодексов, издание которых диктовалось потребностями правового регулирования, Начала в большей степени связаны с идеологическими задачами, имеющими не столько нормативный, сколько ментальный характер¹⁶. Их принятие было обусловлено принятием новой Программы РКП(б) и господствовавшей в период военного коммунизма тенденцией на свертывание правовых отношений¹⁷. Исходя из этого, в Руководящих началах присутствуют лишь нормы общей части уголовного права. Предполагалось, что судьей может быть лишь человек с высоким уровнем революционного правосознания, который спо-

собен на основе указаний общей части не только квалифицировать деяние, но и определить наказание за него. Однако это не означало полного разрыва с традиционными правовыми основами: для России, начиная с древности, было характерно, что создание норм частного права вызвано социально-экономическими потребностями, а конструирование уголовных норм обусловлено необходимостью обеспечения государственных интересов.

Это обусловило совершенно новое определение права: «Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой» (ст. 1). Это определение отразило социологическую доктрину права, проводником которой в Наркомате юстиции был П. И. Стучка¹⁸.

В соответствии с Руководящими началами пространство действия уголовного права определялось прежде всего территорией РСФСР, но потребности защиты завоеваний революции и Советского государства потребовали расширить принцип экстерриториальности и распространить пространство действия Кодекса и на территорию иностранных государств в случае совершения здесь деяния, затрагивающего интересы РСФСР (ст. 27). При этом речь шла не только о бывшей территории Российской империи, где в это время были созданы «белые» государственные образования, но и о любом другом государстве. Хотя текстуально Руководящие начала упоминают лишь территорию РСФСР, но фраза «совершивших преступление на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР» должна быть

¹² Мясников А. А. Регламентация института смягчения наказания в некодифицированном отечественном уголовном законодательстве постреволюционного периода (1917—1919 гг.) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2010. № 5. С. 59—63.

¹³ Конституция РСФСР: принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

¹⁴ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76—77. Ст. 818.

¹⁵ Кодекс законов о труде (принят ВЦИК 16 декабря 1918 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 87—88. Ст. 905.

¹⁶ Зайнутдинов Д. Р. Правовая идеология как часть правосознания (в аспекте гражданской войны и белого движения) // Альманах современной науки и образования. 2011. № 10 (53). С. 20—22.

¹⁷ Подробнее см.: Скибина О. А. Государство и право как идеологические формы в учении М. А. Рейснера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25) : в 2 ч. Ч. 2. С. 170—174.

¹⁸ Подробнее см.: Плотниченко А. А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917—1936 гг. Рига : Зинатне, 1978. 295 с.

истолкована не буквально, а в социально-политическом контексте: любой индивид, совершивший преступное деяние, независимо от того, на какой территории это сделано, в период пребывания в РСФСР может быть подвергнут уголовному преследованию. С учетом положений ст. 3 о цели уголовного права речь идет не о любом преступлении, а лишь о деянии, не соответствующем «интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата».

С этим связана и интерпретация Руководящими началами действия закона по кругу лиц. С одной стороны, возраст наступления уголовной ответственности повышен до 14 лет, и для лиц в возрасте от 14 до 18 лет, действовавших «без разума» предусмотрены лишь меры педагогического воздействия (ст. 13); с другой — уголовная ответственность распространяется не только на граждан РСФСР, но и на иностранцев, в том числе тех, кто совершил преступление за пределами России (ст. 27).

Под преступлением понималось нарушение общественных отношений, охраняемых уголовным правом (ст. 5). Наказание определялось как мера принудительного воздействия, посредством которой власть обеспечивает сохранение данного порядка общественных отношений от преступников (ст. 7). Анализ этого определения показывает, что государственное принуждение выступает определяющей характеристикой наказания¹⁹. Такой подход характерен для запретительного способа правового регулирования, который традиционно характерен для российской правовой реальности.

Система наказаний включала: внушение, общественное порицание, принудительное изучение курса политграмоты, бойкот, исключение из коллектива, возмещение ущерба, отстранение от должности, конфискацию имущества, лишение политических прав, объявление «врагом народа», принудительные работы, лишение свободы, объявление вне закона,

расстрел (ст. 25). Смертная казнь как высшая мера наказания была «основным средством борьбы с контрреволюцией, мерой возмездия за неподчинение, превентивной мерой против “преступной” деятельности инакомыслящих, мощным средством реализации уголовной политики Советского государства»²⁰.

Ряд положений Руководящих начал носили не юридический, а социальный характер, отражая социологические воззрения их авторов, прежде всего Ю. М. Козловского²¹. Так, ст. 10 указывала, что при выборе наказания необходимо учитывать не только личность преступника, но и общественные отношения, в которых формировалась и развивалась личность преступника.

При определении меры наказания суд учитывал социальное положение преступника, политический или личный характер мотивов преступления, степень осознания преступником своего деяния, соучастие, профессионализм преступника, наличие насилия, характер объекта преступления, а также другие обстоятельства (ст. 11, 12). Этот перечень свидетельствует, что законодатель учитывал не только юридическую характеристику преступного деяния, но и социальную.

Таким образом, советское уголовное право с момента возникновения носило запретительный характер, будучи ориентированным на защиту советского строя и социалистической собственности от преступных посягательств. Возможность использования дореволюционного законодательства определялась неразвитостью новой правовой системы. Однако главным при этом являлась непротиворечивость революционному правосознанию правоприменителей. Нормативное закрепление уголовно-правовых запретов определило общий характер советского юридического дискурса, призванного доказать необходимость и целесообразность именно таких средств охраны общественных и государственных интересов в период построения коммунизма.

¹⁹ Маликов Б. З., Салимова А. М. Мера государственного принуждения — правовое свойство наказания // Вестник Кузбасского института. 2016. № 1. С. 30—36.

²⁰ Тоскин Г. Н. Эволюция института смертной казни в РСФСР и СССР (1917—1926 гг.) // Lex Russica. 2016. № 12 (121). С. 109.

²¹ Упоров И. В. Законодательное регулирование института уголовного наказания в кодифицированных актах Советской России в период до середины 1920-х гг. // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10. С. 71—78.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борисова Т. Ю. Революционное законодательство в 1917—1918 гг.: выбор языка // Новое литературное обозрение. — 2011. — № 2 (108). — С. 100—115.
2. Зайнутдинов Д. Р. Правовая идеология как часть правосознания (в аспекте гражданской войны и белого движения) // Альманах современной науки и образования. — 2011. — № 10 (53). — С. 20—22.
3. Луначарский А. Революция и суд // Правда. — 1917. — 1 дек. (18 нояб.).
4. Маликов Б. З., Салимова А. М. Мера государственного принуждения — правовое свойство наказания // Вестник Кузбасского института. — 2016. — № 1. — С. 30—36.
5. Мясников А. А. Регламентация института смягчения наказания в некодифицированном отечественном уголовном законодательстве постреволюционного периода (1917—1919 гг.) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2010. — № 5. — С. 59—63.
6. Остроумов Г. С. Проблемы социалистического правосознания в работах П. И. Стучки // Советское государство и право. — 1963. — № 7. — С. 121—126.
7. Плотниекс А. А. Становление и развитие марксистско-ленинской общей теории права в СССР. 1917—1936 гг. — Рига : Зинатне, 1978. — 295 с.
8. Рыбаков В. А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. — 2010. — № 9. — С. 13—17.
9. Рыбушкин Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве. — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1990. — 111 с.
10. Скибина О. А. Государство и право как идеологические формы в учении М. А. Рейснера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 11 (25) : в 2 ч. — Ч. 2. — С. 170—174.
11. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / сост. Г. Я. Клява. — Рига : Латв. гос. изд-во, 1964. — 748 с.
12. Тоскин Г. Н. Эволюция института смертной казни в РСФСР и СССР (1917—1926 гг.) // Lex Russica. — 2016. — № 12 (121). — С. 106—109.
13. Упоров И. В. Законодательное регулирование института уголовного наказания в кодифицированных актах Советской России в период до середины 1920-х гг. // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. — 2016. — № 10. — С. 71—78.

Материал поступил в редакцию 19 марта 2018 г.

FORMATION OF THE SYSTEM OF CRIMINAL LEGAL PROHIBITIONS IN THE SOVIET LEGAL DISCOURSE

SKOROBOGATOV Andrey Valerievich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines of the Kazan

Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

av.skorobogatov@mail.ru

420111, Republic of Tatarstan, Kazan, ul. Moskovskaya, d. 42

RYBUSHKIN Nikolay Nikolaevich — PhD in Law, Docent, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Federal University (Volga region), Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy of the State Council of the Republic of Tatarstan

i_naughty@mail.ru

420008, Republic of Tatarstan, Kazan, ul. Kremlevskaya, d. 18

Abstract. The article is devoted to the study of the role of prohibiting norms of criminal law in legal regulation in the first years after the establishment of the Soviet authorities in Russia. Based on the analysis of normative legal acts regulating criminal legal relations and the legal doctrine of this period, the authors prove that despite the revolutionary nature of the Soviet criminal law, the element of continuity takes a large place in it. This is expressed both in the formal-dogmatic method of constructing prohibitive norms and in law enforcement practice, where it was allowed to use the laws of overthrown governments in case of their compliance with the revolutionary

legal consciousness. The article emphasizes the fact that the combination of legal traditions and innovations is a traditional phenomenon in Russia. The Bolsheviks were not able to construct an entirely new law. At its core, Soviet criminal law is based on the traditional for the Russian civilization prohibitive type of legal regulation. The prohibitive nature of the Soviet criminal law of the period of "war communism" corresponded both to the archetype of the patriarchal-paternalistic state, formed in the Kievan Rus, and the Bolshevik idea of the need to destroy the "bourgeois" law and form a socialist one, the use of which in the transition to communism period could be provided by the coercive force of the state.

Keywords: criminal law, criminal law prohibition, legal discourse, Soviet law, permissive type of legal regulation, guiding principles of criminal law of the RSFSR.

REFERENCES

1. Borisova T. Yu. *Revolutsionnoe zakonodatelstvo v 1917—1918 gg.: vybor yazyka* [Revolutionary legislation in 1917—1918: language selection]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 2011. No. 2 (108). Pp. 100—115.
2. Zaynutdinov D. R. *Pravovaya ideologiya kak chast pravosoznaniya (v aspekte grazhdanskoy voyny i belogo dvizheniya)* [Legal ideology as part of the legal consciousness (in the aspect of the civil war and the white movement)]. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. 2011. No. 10 (53). Pp. 20—22.
3. Lunacharsky A. *Revolutsiya i sud* [Revolution and justice]. *Pravda* [Truth]. 1917. Dec 1. (18 November).
4. Malikov B. Z., Salimova A. M. *Mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya – pravovoe svoystvo nakazaniya* [Measure of coercion - legal aspect of punishment]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Kuzbass Institute Bulletin]. 2016. No. 1. Pp. 30—36.
5. Myasnikov A. A. *Reglamentatsiya instituta smygcheniya nakazaniya v nekodifitsirovannom otechestvennom ugolovnom zakonodatelstve postrevolyutsionnogo perioda (1917—1919 gg.)* [Regulation of mitigation of punishment in the non-codified domestic criminal legislation of the post-revolutionary period (1917—1919)]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Law Gazette of the Kuban State University]. 2010. No. 5. Pp. 59—63.
6. Ostroumov G. S. *Problemy sotsialisticheskogo pravosoznaniya v rabotakh P.I. Stuchki* [Problems of socialist legal consciousness in the works of P.I. Stuchka]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. 1963. No. 7. Pp. 121—126.
7. Plotnieks A. A. *Stanovlenie i razvitie marksistsko-leninskoy obshchey teorii prava v SSSR. 1917—1936 gg.* [Formation and development of Marxist-Leninist general theory of law in the USSR. 1917—1936]. Riga : Zinatne Publ., 1978. 295 p.
8. Rybakov V. A. *Sovetskoe pravo: preemstvennyy aspekt* [Soviet law: succession aspect]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2010. No. 9. Pp. 13—17.
9. Rybushkin N. N. *Zapreshchayushchie normy v sovetskom prave* [Prohibiting rules in Soviet law]. Kazan : Kazan University Publishing House, 1990. 111 p.
10. Skibina O. A. *Gosudarstvo i pravo kak ideologicheskie formy v uchenii M.A. Reysnera* [State and law as ideological forms in the study of M.A. Reisner]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art. Problems of theory and practice]. Tambov : Gramota Publ., 2012. No. 11 (25) : in 2 parts. Part. 2. Pp. 170—174.
11. *Stuchka P.I. Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [Selected works on Marxist-Leninist theory of law]. Comp. by G. Ya. Klyava. Riga : Latv. State Publishing House, 1964. 748 p.
12. Toskin G. N. *Evolutsiya instituta smertnoy kazni v RSFSR i SSSR (1917—1926 gg.)* [Evolution of the death penalty Institute in the RSFSR and the USSR (1917—1926)]. *Lex Russica*. 2016. No. 12 (121). Pp. 106—109.
13. Uporov I. V. *Zakonodatelnoe regulirovanie instituta ugolovnogo nakazaniya v kodifitsirovannykh aktakh Sovetskoy Rossii v period do serediny 1920-kh gg.* [Legislative regulation of the Institute of criminal punishment in the codified acts of the Soviet Russia in the period up to the mid-1920s]. *Sotsialno-ekonomicheskie issledovaniya, gumanitarnye nauki i yurisprudentsiya: teoriya i praktika* [Socio-economic research, humanities and law: theory and practice]. 2016. No. 10. Pp. 71—78.